чтобы в ее законах могли усмотреть присутствие тиранических черт. Гарантией этому служила для нее опора на авторитет Монтескье. И в этом был смысл настойчивой заботы ее о согласовании законов с «умствованием народа». Сумароков же, как мы видели, в согласовании законов с народными обычаями не видит смысла («обычаи до законов не надлежат»), ибо преступления, в его глазах, не могут оправдываться нравами и должны быть безусловно наказуемы. Карательная функция закона как гаранта справедливости стоит для него на первом месте. Реакцию императрицы на такую позицию своего оппонента мы уже приводили выше.

Сумароков фактически обнажает несамостоятельность Екатерины II как законодательницы, следующей во всем по стопам европейских философов. Главная претензия его к «Наказу» — отрыв постулируемых в нем идей от реальной жизни и увлечение его автора абстрактным гуманизмом.

Характерна реакция Сумарокова на положения главы VII «О законах подробно», где рассматривались различные роды преступления и применяемые в каждом случае наказания за них. Глава предварялась рассуждениями об опасности превышения в законах допустимой строгости, что могло бы не способствовать исправлению преступника. Екатерине II и здесь важно было показать себя сторонницей идей терпимости и умеренности правосудия: «65. Законы, преходящие меру во благом бывают причиною, что рождается оттуда зло безмерное». И чуть ниже уверенно утверждалось: «Умеренность управляет людьми, а не выступление из меры».[18]

Именно на подобные рассуждения обращает внимание Сумароков. Вот мнение, которое по поводу приведенных фраз он считает нужным довести до автора «Наказа»: «Умеренности правосудие не терпит, а требует надлежащей меры, а не строгости и не кротости» (84). Сумароков вновь выступает противником абстрактного либерализма в правосудии и исходит из убеждения, что мера наказания должна соответствовать тяжести преступления. Екатерина II на это замечание Сумарокова раздраженно ответила на полях: «Изображение [т. е. воображение. — *Ю. С.*] в поэте работает, а связи в мыслях понять ему тяжело» (Там же).

Нетерпимость Сумарокова к играм в абстрактный гуманизм, чреватым нарушением сложившейся в России системы социальных отношений, проявилась наиболее отчетливо в его реакции на те пункты «Наказа», где императрица очень осторожно и уклончиво пыталась затронуть вопросы положения закрепощенного крестьянства и облегчения его участи. Вопросы эти были затронуты ею в главе XI, первоначально написанной Г. В. Козицким и позднее кардинально переработанной самой Екатериной II. Сумароков читал «Наказ» в его 1-й редакции, и к окончательному тексту доку-

---

[18] Наказ... С. 124.